

Дононбаев А.

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Известно, культура определяется как «откристаллизовавшиеся» в историческом опыте образцы или модели поведения и сознания людей. Возникает естественный вопрос о том, каким образом это поведение и сознание людей проявляет свое действие в рамках международных отношений? Ведь субъектами международных отношений являются, в первую очередь, государства, международные организации и транснациональные корпорации.

Однако государственные, организационные и корпоративные интересы на международной арене реализуются в деятельности конкретных лиц.

Культура международных отношений – это социально-исторический опыт, сложившийся у людей, наций и народов, в процессе восприятия, понимания и отношения к реально существующему мировому порядку и системе международных отношений. Культура международных отношений – это некий «образец», «модель» «норма», «парадигма» («схема»), восприятия, осознания, понимания и отношения, поведения, ориентации людей, наций, государств, а также в целом международного сообщества, в реалиях функционирующего и формирующегося мирового порядка. Вместе с тем, господствующая политическая элита любого государства функционально призвана, наряду с решением и иных задач, формировать в сознании сограждан определенный образ мирового порядка и международных отношений. Такой образ оказывается необходимым элементом культуры общества. Данный «образец», постоянно реализуясь в действиях множества людей, следовательно, воспроизводясь в практике международных отношений, постепенно превращается в то, что в обыденном языке называют «привычкой». Это и есть институционализация культуры в международных отношениях.

Поскольку субъектом международных отношений в истории всегда являлись, прежде всего и главным образом, государства, преследующие на мировой арене определенные национальные интересы, постольку господствующая политическая элита той или иной страны в соответствии с уровнем понимания решаемых задач стремилась формировать в сознании сограждан определенный образ мирового порядка и международных отношений.

В истории международных отношений прослеживается достаточно глубокая связь, существующая между культурой общества, в соответствии с нормами которой политические деятели отстаивают интересы государства, с одной стороны, и сложившимися представлениями о мировом порядке, с другой стороны. Концепция миропорядка в огромной мере складывается в результате органичного соединения определенных норм и принципов, глубоко вошедших в «кровь и плоть» целых поколений людей и народов политической культуры. Следовательно, правомерно связывать становление определенного миропорядка со специфическими характеристиками системы международных отношений и, в не последнюю очередь, с особенностями политической культуры. Институционализировавшиеся нормы миропорядка поддерживают в устойчивом, равновесном состоянии систему международных отношений. Политическая культура международных отношений фиксирует существующее статус-кво миропорядка и реализует его в деятельности людей.

События 11 сентября 2001 г. актуализировали проблему толерантности в международных отношениях. Среди сценариев развития международной обстановки угрожающе актуальными становятся прогнозы политолога из США С. Хантингтона, который в 90-х гг. XX в. предсказывал цивилизационные и религиозные войны. Но и при ином сценарии мировых событий проблема толерантности не утрачивает своего значения. В связи с этим можно утверждать, что поле культуры толерантности в международных отношениях в начале XXI в. неожиданным образом становится одним из важнейших условий дальнейшего существования человечества, а возможно, и живой природы на Земле. Проблемы внедрения культуры толерантности в международные отношения давно ставятся в повестку дня международным сообществом, прежде всего по линии ЮНЕСКО, и неправительственными организациями, тем не менее можно с уверенностью заявлять об утверждении примата силы над толерантностью в международных отношениях. У автора этих строк нет иллюзий относительно изменения иерархии отношений между ними в обозримом будущем. Однако даже в том случае, если толерантность обречена на маргинальные позиции, она является

одним из действующих факторов международных отношений, постоянно нуждающимся в усилении влияния. Методологически близким по смыслу в оценке важности толерантного подхода звучит призыв итальянского интеллектуала Умберто Эко: «Интеллектуальный долг – утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы»¹.

Проблематика толерантности в международных отношениях рассматривается, прежде всего, под углом политических процессов, с привлечением классических и постмодернистских методологических принципов, междисциплинарных методик исследования.

С распадом советской империи прекратил существование «ялтинский мир» – политическая система, созданная державами-победительницами после поражения гитлеровской коалиции. Динамичное равновесие в ней поддерживалось развитой системой сдержек и противовесов отношений между двумя сверхдержавами. НАТО и Варшавский договор являлись сугубо военными инструментами геополитических интересов сверхдержав, не претендуя на гуманистические сентиментальности.

По периметру сфер влияния оставалось место для других субъектов ялтинской системы, находившихся в отношениях полузависимости или нейтралитета.

Политика взаимного сдерживания сверхдержав не раз ставила мир на грань глобальной войны. Несмотря на различие идеологических подходов, оба противостоящих блока стремились соотнести их с принципами, декларированными Уставом и резолюциями Организации Объединенных Наций – ООН. Можно рассуждать об искренности отношения сверхдержав к соблюдению принципов ООН, об их истинном стремлении манипулировать этой международной организацией, но факт остается фактом – Нюрнбергский процесс над международными преступниками определил моральную и политическую линию разрыва с прошлым, за которую ни один мировой политик не стремился выйти. Выработанные ООН принципы поведения принавались как непререкаемый авторитет в международных отношениях. Была разработана международная процедура разрешения конфликтов, пресечения попыток геноцида и других преступлений перед человечеством. Не было случая, чтобы одна из сверхдержав в достижении своих геополитических интересов не стремилась оправдаться перед Содружеством

Наций. Оценка острых мировых кризисов, например, советской интервенции в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., вьетнамской войны США и советской войны в Афганистане, осуществлялась противоборствующими сторонами с использованием схожих нравственных и политических категорий. Несмотря на декларированное различие идеологием, они находились в пространстве одинаковых знаковых гуманистических ценностей. Различие подчеркивалось понятием «более», например, «более демократическая система», «более защищенный человек» и т.д.².

В условиях биполярного противостояния Содружество Наций разработало систему гуманистических ценностей, которые стали общечеловеческим достоянием и являлись важным сдерживающим элементом проявлений насилия и ксенофобии в мире.

После распада СССР потерпела крах и ялтинская система, державшаяся на разделении ответственности за мировой порядок между США, Великобританией и СССР. Поскольку позиции Великобритании были минимизированы уже в конце 40-х гг., то с распадом СССР мир, казалось бы, стал монополярным.

Но не только эта тенденция характеризует современные международные отношения. Не удовлетворены своей мировой ролью новые демографические и экономические гиганты, «тихоокеанские тигры» – Китай, Индия, Пакистан. Раздражение многих субъектов ООН вызывает несанкционированное ею распространение на весь мир концепции «ограниченного суверенитета». Опасно карательные функции возлагать лишь на НАТО, организацию, не имеющую универсального международного мандата. И еще опаснее прикрывать именем международных организаций несанкционированные ими действия. Это реальность. Необходима новая архитектура международных отношений, новая система, ответственная и эффективная, приведенная в соответствие с новыми реалиями

В истории человечества, пожалуй, не было другого такого короткого отрезка времени, который бы спрессовал в себе целую историческую эпоху. Можно только предполагать, что и далее мировая история будет разворачиваться столь же стремительно и быстротечно. Источник идей гуманизма, просвещения, равенства и братства народов, освобождения человека,

¹ Игнатъев А.А. Международно-правовая ответственность в современной теории международных отношений. – М., 2005 – С. 123

² Игнатъев А.А. Международно-правовая ответственность в современной теории международных отношений. – М., 2005 – С. 127

Европа двадцатого века первой приступила к внедрению в массовое общество захватывающих коллективистских проектов. В XX в. Европа спровоцировала две мировые войны; практически всю вторую половину столетия раскол, начавшийся в Европе, удерживал весь мир в состоянии «холодной войны». СССР проиграл «третью мировую войну», а вместе с этим второй раз за одно столетие Российская империя прекратила свое существование. Мировой порядок изменил свои очертания, превратившись в однополюсный центр, возглавляемый наиболее последовательным учеником европейских идей – США. Не в первый раз европейской цивилизации пророчат вторые роли, но вновь, как это уже было не раз, старый континент затеял грандиозный проект европейского строительства.

Ровно сто лет назад в российских журналах высказывалась уверенность, что XX в. будет мирным. «Вероятность войны полностью исключена на том основании, что развитие европейской цивилизации – промышленности, науки и техники – сделало войну невозможной», – обобщал Андрей Синявский новогодние прогнозы в русских журналах конца XIX в. в своей книге «Советская цивилизация». Уходящий век не оправдал этих прогнозов. Никаких гарантий оптимистическим прогнозам не дают наступающий век и новое тысячелетие, тем более, что на этот раз тон задают именно пессимистические прогнозы.

Пожалуй, в мировой истории не было иного периода столь осознанного и изощренного применения самых передовых научно-технических средств массовых убийств. Все началось с газовых атак Первой мировой войны, продолжилось использованием ядерных технологий, а завершили век массовые этнические чистки и новое изобретение мировой политики – «гуманитарные интервенции». Почему существуют культуры, санкционирующие массовое убийство, канибализм, унижение других? – ставит вопрос итальянский гуманист Умберто Эко.

«Просто по той причине, что в них круг других сужен до предела племени (или этноса) и “варвары” не воспринимаются как человеческие существа». Этот вывод в равной степени может быть отнесен и к инакостям внешней оболочки общества, и к отношениям внутри самого общества.

Зафиксированным фактом становится ослабление детерминистских связей между традиционными субъектами международных отношений. Оттеснены на маргинальные позиции классические системы международных отношений, в которых «экономика определяла

политику» или противоборствовали геополитические гиганты – «Суша против Моря»³.

Государственный суверенитет перестал быть основой систем международных отношений. Впервые, по крайней мере со времени создания в 1648 г. Вестфальской системы, суверенные государства перестают быть субъектами систем международных отношений. Подрываются институты международного права, складывавшиеся на протяжении столетий. В одностороннем порядке аннулируются международные договоры, поддерживавшие международную безопасность и контролировавшие гонку вооружений, принятые этические нормы отношений между субъектами международных отношений. Теряется доверие к основополагающим институтам современной системы международных отношений, в деятельности которых все более проявляется конъюнктурная избирательность. Затянувшийся распад прежней системы международных отношений сопровождается ростом этнических конфликтов, международного терроризма, несдержанностью и использованием чрезмерной силы сильных в отношении слабых субъектов международных отношений.

Таким образом, при явном попустительстве мирового сообщества в международных отношениях утверждается концепция «глобального шерифа», в одиночку вершащего праведный суд; укрепляется политическая философия силы, не ограниченная никакими международно-правовыми, моральными или нравственными нормами. Что хорошо для США, то хорошо и для остального мира. Выигравшая «холодную войну» политическая элита Запада оказалась не готовой к осуществлению глобальной гегемонии в условиях мира, к реформированию ялтинской системы в новую стабильную мировую систему.

Стабильность систем обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который обеспечивает состояние динамического (подвижного) равновесия сил. Мир, не основывающийся на динамическом равновесии сил, становится все более хрупким, ненадежным и менее предсказуемым. Как ни парадоксально, это приводит к увеличению числа статистов на мировой сцене, способных в любой момент стать актерами первого плана. Множится количество неожиданных сценариев развития мировых событий, и самым печальным является то, что в условиях нестабильной системы даже наиболее

³ Володарцев М.Н. Роль и значение этико-культурных в международных отношениях Азиатско-Тихоокеанского региона. //Азия и Африка – 2004, № 6 – С.45

экстравагантные из них получают шанс на реализацию.

Современная политическая наука вырабатывает новый понятийный аппарат, позволяющий типологизировать современные тенденции в международных отношениях. Наиболее обобщающим из них является понятие «глобализация». В качестве самых общих объектов научного внимания становятся глобальные проблемы современности, прежде всего процессы глобализации, провоцирующие принципиально новые формы современных политических вызовов. Авторы научного доклада, составленного под руководством С. Караганова, справедливо отмечают: «На наших глазах происходит переход международных отношений в глобальном масштабе в совершенно новое измерение, сущность которого будет проявляться по мере развития обстановки в мире. Прекращение длительной конфронтации в Европе и развал СССР не упростили, а, скорее, усложнили глобальную, и, прежде всего, европейскую, ситуацию, в которой сосуществуют в сложном взаимодействии контрагенты совершенно несопоставимых весовых категорий и программных установок»⁶. Итальянский социолог Гвидо Мартиноцци выделяет несколько направлений «глобализации»: первое – интернационализация (глобализация) экономической и финансовой интеграции; второе – растворение национальных рынков в мировой экономической системе; третье – утрата национального контроля над мировой компьютерной системой движения капитала и услуг.

Результатом «глобализации» становится ослабление национального суверенитета, ограничение возможностей вмешательства со стороны государства и общественных организаций в стабилизацию социальной жизни⁷.

Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских явлений, производным от последних стал феномен, названный глокализацией.

Глобализация самым решительным образом воздействует на изменение современной архитектуры мира. Таким образом, изменяются сами принципы, на которых на протяжении трех с половиной веков основывался фундамент систем и подсистем международных отношений. Сопутствующими процессами глобализации, без поспешной претензии на установление иерархии взаимосвязей, являются межцивилизационные и межрелигиозные вызовы. Их производными стали проявления цивилизационной, религиозной, национальной, этнической, расовой Нетерпимости, которые подрывают основы человеческого общежития. И напротив, формирование толерантного поведения в этих сферах

превращается в основной позитивный отклик на данные вызовы глобализации.

В исследовании влияния глобализации на внутривнутриполитические процессы Р. Дарендорф установил «прямую связь между кризисом демократии и кризисом государства-нации». Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенным понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность власти на демократическую смену власти.

Внутриполитическая динамика в США после 11 сентября 2001 г. представляет прямую угрозу демократическим институтам, прежде всего, самого мирового гегемона. Увлеченные преследованием внешнего врага немногие Интеллектуалы, властители умов, выразили тревогу в связи с резким сужением роли демократических институтов в государстве, претендующем на роль мирового гаранта демократических процессов. В ряде исследований политических процессов после 1989 г. Ральф Дарендорф высказал суждение относительно вступления человечества в новый переходный «последемократический период», который, как надеется британский ученый, завершится конструкцией «новой демократии»⁴.

Можно с большой долей уверенности сказать, что в XX в. самоуверенный человеческий разум сыграл злую шутку с нашей цивилизацией. «Социальная инженерия», опирающаяся на выхолощенные детерминистские теории, нанесла непоправимый ущерб цивилизации. В итоге общественные науки утратили роль путеводной звезды, усилился скепсис в отношении возможностей рационального познания. Сузившуюся сферу классических теорий стали заполнять суррогаты еще недавно маргинальных идей.

Данная тенденция затронула также классические представления о функционировании систем международных отношений. И без того молодая наука о международных отношениях испытывает сильное давление постклассических, релятивистских методологий.

На эти темы начинают рассуждать ученые, но адекватного отношения политиков, массового сознания к объективно изменяющейся ситуации пока нет. Не все понимают, что изучение современных политических процессов в международных отношениях требует обращения к иному научному инструментарию, чем тот, что использовался наукой и политиками в XIX в. или даже в первой половине XX в.

⁴ Мнацаканян М.О. Нации. – М., 1999. – С. 93

Автор принадлежит к числу тех скептиков, кто считает, что в международных отношениях принимают участие настолько разные субъекты, со столь подвижной иерархией отношений, что создание единой теории международных отношений представляется невозможным. В современной России и странах СНГ все более заметное место в оценке международных отношений и обосновании внешней политики занимают геополитические подходы. Причем геополитика, понимаемая как непротиворечивое фундаментальное знание, постепенно занимает то место, которое в течение советского периода принадлежало материалистическому детерминизму. Однако если анализировать с точки зрения философии политики геополитические подходы З. Бжезинского (к примеру, его недавнюю книгу «Великая шахматная доска») и современных российских традиционалистов А. Дугина, Э. Позднякова, то между этими, казалось бы, разными авторами прослеживается общность в метафизическом отношении к познавательным возможностям геополитики как непротиворечивой и абсолютной науки о международных отношениях.

Констатацией этих и других фактов недостаточных эвристических возможностей науки международных отношений автор отнюдь не стремится отрицать познавательные возможности различных интерпретаций, он лишь хочет подчеркнуть относительность и ограниченность средств современной науки в познании международных процессов.

Особенность нашего теоретического подхода определяется отношением к теории международных отношений как одной из частных наук об общественных явлениях, которая в конечном итоге находится в зависимости от общей философской постановки этой проблемы. На наш взгляд, реальный водораздел в познании международных отношений пролегает между теми, кто жестко детерминирует (с материалистических или идеалистических позиций) генезис международных отношений, и теми, кто рассматривает международные процессы как постоянный переход от свободы к необходимости и обратно, т. е. смотрит на международные отношения как на процесс пульсирующий и колебательный, а его фиксированные моменты связывает с проявлениями компромисса свободы и необходимости.

Определив необходимость как область фундаментальных ограничений, мы можем достаточно строго утверждать, что детерминизм есть предельный случай во взаимодействии свободы и необходимости. Действительно, чем ближе мы подходим к границе области условий, совместимых с жизнью, тем строже обнару-

живают себя причинно-следственные (каузальные) связи, тем все больше сужаются, постепенно сходя на нет, возможности выживания, тем вернее действует принцип «быть или не быть»⁵. В этом крайнем пределе необходимость переходит в детерминизм, а свобода исчезает.

Международные отношения можно рассматривать как процесс взаимоприспособления, взаимодействия свободы и необходимости, который осуществляется через регуляцию и саморегуляцию. Поскольку на первое место выходит проблема необходимости (выживания), то в мировом сообществе возникает и постоянно развивается огромный слой международной регуляции и регламентации (международно-правовой, политический, военно-политический, международные институты и т.п.). Каждому члену сообщества предписываются нормы поведения и определенные международные роли. Складывается своего рода мировой каркас, действующий зачастую более жестко, нежели собственно естественные ограничители, поскольку нарушения международных норм чреватые порой катастрофическими последствиями. Таким образом, регуляция может рассматриваться как поиск компромисса между свободой и необходимостью.

Современная эрозия системы международных отношений и ее основного субъекта – «государства-нации» провоцирует изменение принципов политической организации современных обществ, разрушает традиционные связи между его отдельными ячейками.

Следствием обострения этнических и религиозных конфликтов и силовых вариантов их преодоления методами «гуманитарной интервенции» становится подлинная гуманитарная катастрофа.

Ни всемогущая НАТО, ни ослабленная Россия не смогли военными средствами предотвратить этнический сепаратизм и геноцид. Из этого можно сделать вывод о том, что не существует чисто военного решения проблем этнического сепаратизма. Этот вывод может быть применим к оценке этнических и религиозных конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке.

В недавнем выступлении советника администрации США Кондолизы Райс говорилось о том, что «американские ценности носят универсальный характер»⁶. Предположим, что это утверждение является верным. В таком случае в подходе к межэтническим отношениям должен

⁵ Дилигенский Н.А. Этика международных отношений. – М., 2001. – С.77

⁶ Дилигенский Н.А. Этика международных отношений. – М., 2001. – С.74

утвердиться принцип межэтнического диалога – мультикультурализм. Реализация этого принципа невозможна без равного отношения ко всем этническим группам и невыделения привилегированных этнических групп, которые якобы имеют право на этнический реванш.

Достаточно внимательно взглянуть на европейскую карту, чтобы сделать очевидный вывод – вся Европа и особенно Центральная и Восточная Европа до Урала беременны потенциальными этническими конфликтами. Нет ни одной границы европейского государства, которая совпадала бы с проживающими в ее пределах этническими группами. Только в XX в. Европа пережила, как минимум, три Национально-территориальных передела: Версальский мир, нацистский передел, ялтинский мир.

Начавшийся в 90-х гг. XX в. балканский территориальный передел может стать сигналом для объявления другими этническими группами своих притязаний на награду за лояльность к Западу. В уже приведенном заявлении Кандолизы Райс содержится намек на то, что утверждение американских универсальных ценностей, «их триумфальное шествие, конечно же, становится легче, когда международный баланс сил складывается в пользу тех, кто верит в эти ценности». Те, кто не успел заскочить в «западный экспресс», будут искать поддержку в «восточном экспрессе». Парадоксальным образом на смену идеологическому размежеванию мира может прийти этнополитическое.

Как избежать этого? Похоже, что ничего нового не надо придумывать. В основных документах ООН закреплено, что основу демократических требований в сфере международных отношений и национальной государственности составляет приоритет суверенитета, самоопределения народов, а не этносов. Согласно рекомендациям ООН, под «народом» понимают все население, проживающее на самоопределяющейся территории. В отличие от народов, национальные меньшинства не являются субъектами права на самоопределение, зато международное право возлагает на государства обязательства по сохранению их социокультурной индивидуальности и недискриминации лиц, к ним принадлежащих.

Высокая степень конфликтного потенциала в регионах Кавказа определяется рядом факторов: противопоставление ислама и христианства, в рамках ислама соперничество суннитов и шиитов, жесткая конкуренция четырех этнических групп – дагестанской, вайнахской, тюркской, абхазо-адыгейской, – внутри которых распределились свыше 50 конкурирующих национальностей, не говоря уже о родовых

тейпах. Только в Чечне насчитывается 170 соперничающих между собой тейпов.

Ни одна страна в мире, ни один регион не застрахованы от импровизированного взрыва находящихся в боевой готовности «этнических бомб»⁷. Как показывают события на Балканах, в Афганистане, на Ближнем Востоке, на Кавказе, современная цивилизация не располагает эффективными военными средствами прекращения уже возникших конфликтов.

В связи с «гуманитарной интервенцией» на Балканах снизился международный авторитет НАТО как организации по поддержанию мира и безопасности. ООН нуждается в реформировании в связи с возникновением новой архитектуры мира после падения Берлинской стены и краха Советского Союза. США как единственный лидер осуществляют откровенно идеологизированную мировую политику, ставя проблемы мировой и региональной безопасности в зависимость от распространения «американской универсальной системы ценностей»⁸.

Согласимся с мнением директора Стокгольмского международного института исследований проблем мира А. Ротфельда, который считает, что «пока не выработано ни одного организующего принципа глобальной безопасности».

В связи с внедрением в практику международных отношений концепции ограниченного суверенитета, может быть, следует изменить отношение к другому принципу международных отношений – праву наций на самоопределение? В любом случае не следует считать вооруженную борьбу за национальное самоопределение этически оправданной мировым сообществом. А мировому сообществу, стремящемуся к поддержке прав человека, больше внимания уделять правам отдельных граждан и этнических групп на культурную, религиозную и лингвистическую автономию и одновременно содействовать преодолению культурной изоляции путем расширения глобального культурного и информационного пространства.

Предупреждение и предотвращение этнических и религиозных конфликтов является наиболее эффективным способом предотвращения возникновения «этнических бомб». Однако эффективность предотвращения конфликтов будет значительно сильнее, если международные организации, мировая общественность и международные суды будут подходить одинаково, а не избирательно к наказанию провокаторов и преступников, не

⁷ Дугин А.А. Основы геополитики. – М., 1999. – С.232.

⁸ Там же, с. 234

подразделяя их на своих и чужих. Например, не думаю, что в ходе гражданской войны на Балканах только сербы являются международными преступниками.

Общественность не должна доверять благоразумию политических лидеров. Для многих политических лидеров этнические конфликты являются наиболее эффективным инструментом управления политическими и социальными процессами, как в отдельных странах, так и на мировом уровне. Выскажу предположение, что в условиях однополюсного мира увеличился риск принятия опасных решений со стороны самоуверенных политиков.

В этой ситуации возрастает влияние на политические процессы неправительственных организаций, мировых религиозных лидеров и светских лидеров – властителей умов, независимых средств массовой информации. Итальянский мыслитель Умберто Эко сформулировал функцию интеллигенции – «выпячивать двусмысленности и освещать их». «Интеллектуальный долг – утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы».

На первый взгляд в период триумфального шествия глобализации лозунг «научить жить вместе!» кажется неактуальным. Однако, настаивая на нем, мне хотелось бы подчеркнуть, что мало кто ожидал на исходе XX в. взрыва межэтнических конфликтов, распространения ксенофобии. К сожалению, мы пока еще недостаточно знаем природу человека и межличностных отношений.

Атака экстремистов на нью-йоркские «башни-близнецы» актуализировала выдвинутое в середине 90-х гг. некоторыми учеными (например, Н. Боббио) предположение, что кризис политических идеологий и политических партий и систем, возникших в период модерна, выдвинул на первый план принципиально новую политическую антиномию: «экстремизм – неоекстремизм».

Таким образом, восприятие и формирование толерантной культуры поведения в международных отношениях представляется возможным на основе современной методологии научного анализа мировых политических процессов.

О выработке новой культуры международных отношений говорил В.В. Путин, выступая в Федеральном собрании РФ 26 апреля 2007 г. «В более широком плане речь идет об основанной на международном праве культуре международных отношений – без навязывания моделей развития и форсирования естественного хода исторического процесса⁹. Как показывает тысячелетняя практика, культура оказывается более уплотненным «генетическим» стержнем в поведенческих ориентациях людей, чем «прививаемая извне» система норм закона. Именно поэтому появляется надежда, что новая администрация США во главе с президентом Б.Обамой, взявшая направление по пути «нового курса», совместно с другими ведущими державами сумеет изменить тенденции мирового развития в соответствии с культурой толерантности.

⁹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В.Путина. // Российская газета. – 27 апреля 2007 г.